

Л.Р. Абдулхакова

Казанский государственный университет

**Развитие грамматической синонимии
деепричастных форм
в русском литературном языке XIX – XX вв.**

Одной из движущих сил, способствующих развитию отдельных грамматических категорий, как и языка в целом, являются отношения синонимии, которые имеют место на разных уровнях языковой системы. На каждом историческом этапе в языке присутствуют как старые, отживающие, так и новые, нарождающиеся элементы. Сосуществующие в языке разновременные варианты неизбежно вступают в синонимические отношения. Конкуренция синонимов, их взаимодействие, стремление вариантов найти свое место в системе представляют собой источник динамических изменений, происходящих в том числе и на грамматическом уровне. Говоря о грамматических синонимах (=вариантах), мы имеем в виду формы, характеризующиеся «сходством грамматических значений при структурной близости грамматического построения» [Ярцева, 1990, с. 9]. В истории русского деепричастия существовавшее на протяжении многих веков формальное многообразие постепенно сменялось более строгим единством, однако и в современном русском языке продолжают сохраняться синонимичные образования, не всегда однозначно оцениваемые грамматическим руководством.

Функционирование деепричастий в русском литературном языке XIX в. было в значительной степени близким к современному состоянию, однако они еще сохраняли многообразие форм. Одни из них можно назвать затухающими, так как происходило не только уменьшение их количества, но и постепенная стилистическая маркировка (-*учи*). Другие, напротив, получали возможность все более широкого использования (формы на -*вши*). Вполне естественно, что разные тенденции, проявлявшие себя на данном этапе истории рассматриваемых форм, могли по-разному реализовываться в отдельных стилях и жанрах русского литературного языка, в языке отдельных представителей литературы, науки, культуры того времени. Более объективная картина складывается при учете наиболее общих особенностей, получивших отражение в разных текстах, что, однако, не исключает выявления и индивидуально-авторских установок.

В сфере деепричастий совершенного вида (СВ) в XIX в. можно выделить следующие синонимические отношения: синонимия форм с суффиксами -*а/-в* (-*вши*), с одной стороны, и -*в/-вши* – с другой.

В XVIII в. для деепричастий, образованных от глаголов СВ, наиболее активными были аффиксы -*а* и -*в*, причем первый преобладал в глаголах II спряжения как возвратных (*возвратясь, распусаясь, соединясь* и др.), так и невозвратных (*приступая, обротя, утвердя* и др.). К концу XVIII – началу XIX вв. в этой группе образований происходит заметное перемещение суффикса -*а* в сферу возвратных глаголов. Снижение его активности у невозвратных глаголов II спряжения проявляется, в частности, в нарастании числа невозвратных глаголов, образующих синонимичные формы на -*а/-в* (*оставя-оставив, поруча-поручив, усмотря-усмотрев* и др.), и увеличении количества форм на -*в*, не имеющих синонимов.

Уже в XIX в. в грамматиках русского языка делались попытки ограничить употребление деепричастий на *-а* от глаголов СВ. Н. Греч, например, писал: «Еще должно сказать, что в глаголах предложных деепричастия производятся от прошедшего, а не от будущего совершенного времени, т.е. должно говорить и особенно писать: *посадив*, а не *посады*; *вынесиши*, а не *вынеся*; *бросив*, а не *брося*; *устреми*, а не *устремя*» [Греч, 1827, с. 45]. Он называл подобные формы «противными правилам языка», допуская их только в стихах для избежания стечения согласных, а также в возвратных глаголах. А.Х. Востоков отмечал, что глаголы «совершенные» не имеют настоящего времени, поэтому у них нет и деепричастий настоящего времени, но «в употребление вошло давать деепричастиям прошедшего времени... окончания на *-я*, *-а*, вместо *-в*, *-вши*» [Востоков, 1838, с. 119]. Ограниченность в использовании подобных форм наблюдал и Ф.И. Буслаев: «Русский разговорный язык употребляет окончание деепричастия настоящего времени *-я* (и *-а*) в глаголах совершенного и однократного вида, вместо окончания прошедшего времени» [Буслаев, 1959, с. 107]. Г. Павский характеризовал формы типа *увидя* как «странность», которая встречается и в книгах, и в разговорах [Павский, 1850, с. 138-139].

Для языковой ситуации начала XIX в. А.Б. Шапиро замечает: «Наблюдения над употреблением деепричастий в это время не дают четких признаков для противопоставления «сильных» членов этой системы «слабым». Употребление деепричастий на *-а(-я)*, с одной стороны, и на *-в (-вши)*, с другой, в первой половине XIX в. не регулировалось ничем, кроме чисто фонетических факторов...» [Шапиро, 1964, с. 179-180]. Вместе с тем отмечается, что выбор той или иной формы часто зависел от индивидуально-авторских предпочтений. Так, Н.М. Карамзин явно предпочитал деепричастия на *-в* формам на *-а (-я)*, в процессе правки текста заменяя одни другими, хотя в стихах употреблял деепричастия на *-а (-я)*. Преобладание форм на *-в (-вши)* было характерно для Загоскина, Марлинского, прозы Пушкина и Лермонтова, Лажечникова, Гончарова, Гоголя и др., тогда как у Нарезного и И. Дмитриева, напротив, преобладают деепричастия на *-а (-я)*.

Указанные отношения наблюдаются и во «Всеобщей истории о мореходстве» (ИМ) – произведении историко-публицистического характера, переведенном с французского языка тремя разными авторами, причем перевод и публикация книги продолжались на протяжении первой четверти XIX в. – с 1801 по 1826 гг. Происходившие изменения особенно заметны при сравнении трех первых частей памятника (1801-1811 гг.) с тремя последними (1823-1826 гг.). Если в первых частях формы на *-а* составляли около двух третей всех случаев употребления деепричастий от глаголов СВ II спряжения (только – *посады*, *выступя*, *стесня*, *предположа*, *унустя* и мн.др.), то к концу периода они становятся единичными. Что касается возвратных глаголов, то здесь, напротив, происходит сокращение синонимических пар за счет форм на *-вши(сь)*.

Интересно, что похожее состояние для деепричастий СВ отмечается и в языке А.С. Пушкина. Деепричастия СВ представлены в подавляющем большинстве случаев формами на *-в* и *-а (-я)*. При этом формы на *-а* образуются практически только от глаголов II спряжения. Из 289 невозвратных глаголов СВ у 65 отмечены деепричастия на *-а (-я)*, у 34 – синонимы на *-а/-в*, т.е. примерно одна треть всех глаголов сохраняла возможность образовывать формы на *-а*.

У возвратных глаголов СВ II спряжения картина совершенно иная. Из 137 глаголов 105 имеют деепричастия на *-а(сь)* и 27 – синонимичные формы на *-а(сь)/-вши(сь)*, т.е. почти все глаголы способны иметь образования этого типа. Лишь несколько глаголов СВ, относившихся к I спряжению, также имели подобные образования: *воспользуясь*, *посмеясь*, *понадеясь* и др.

Таким образом, можно говорить о том, что формы на *-а (-я)* постепенно перемещаются в сферу возвратных глаголов II спряжения СВ.

Синонимичные формы такого типа равноправны в семантико-стилистическом отношении, о чем говорят контекстуальные условия их употребления (первая цифра указывает том, вторая – страницу):

...истребив более 60000 Турков, сдался неверным (ИМ, 3-94) и: ...истребя некоторую часть жителей, разрушил его... (ИМ, 3-282); Тогда решившись отомстить Венецианам..., он не убоился преступить данных ему повелений (ИМ, 7-134) и: ...он стремительно напал на ужасного Голландца, решась победить или погибнуть (ИМ, 7-82) и др. Ср. также примеры из А.С. Пушкина (ссылки даны по Словарю языка Пушкина):

Марья Ивановна, ... бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть ее с ног до головы (КД 371.32) и: Брося взор на сии строки, с изумлением увидел я, что они заключали не только замечания о погоде и хозяйственные счета (ИГ 133.10);

Во второй половине столетия отношения между рассматриваемыми образованиями продолжали развиваться. Не отличаясь друг от друга по функциям, разные формы имели те или иные преимущества. Если деепричастия на *-а (-я)* «могли привлекать своей краткостью», то формы на *-в (-вши)* «могли образовываться от глагольных основ всех типов, тогда как образования на *-а (-я)* были в этом отношении ограничены» [Шапиро, 1964, с. 181-182].

Большое количество случаев использования деепричастных форм на *-а* в русском литературном языке XIX в. приводит В.И. Чернышев, отмечая: «Форм этих очень много у писателей и их нужно считать принадлежащими общему употреблению, хотя и не преобладающими в нем, так как в литературном языке, особенно теперь, правильные формы все-таки встречаются гораздо чаще» [Чернышев, 1915, с. 335].

Таким образом, формы СВ на *-в* и *-а (-я)* в XIX в. не были противопоставлены друг другу, не отличались стилистически, что нашло отражение в свободном включении тех и других в сочинения многих авторов, а также в использовании синонимичных форм, образованных от одной и той же глагольной основы. Вместе с тем нужно отметить различное отношение писателей к формам на *-а (-я)*: одни используют их довольно широко (М.Ю. Лермонтов, С.Т. Аксаков, Ф.И. Тютчев и др.), другие ограничиваются лишь отдельными формами, которые часто имеют параллельные образования с суффиксом *-в/-вши* (Н.В. Гоголь, В.И. Даль, И.С. Тургенев, Н.Г. Гарин-Михайловский и др.), третьи вообще их не употребляют (В.Г. Белинский, Н.И. Добролюбов, К.М. Станюкович, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов и др.).

Между тем на протяжении всего XIX в. деепричастия СВ с суффиксом *-а (-я)* сохраняли достаточную активность среди возвратных глаголов II спряжения. В этом можно усмотреть некую попытку продолжить развитие формального противопоставления невозвратных и возвратных глаголов, причем I и II спряжения также оказываются противопоставленными друг другу. Неравномерность изменений возвратных и невозвратных форм наблюдается практически на протяжении всего XIX в. от А.С. Пушкина до А.П. Чехова. Например, у С.Т. Аксакова, который использует и формы на *-в* и на *-а (-я)* (*заметив-заметья, сообразя, прибавя* и др.), последние преобладают именно у возвратных глаголов (*развляясь, остановясь, отворотясь, соскучась, помолясь* и др.).

Помимо рассмотренной, в русском литературном языке XIX в. существовала также синонимия деепричастных форм на *-в* и *-вши*.

Формы с суффиксом *-вши*, образованные от невозвратных глаголов СВ и НВ, получили заметное распространение среди деепричастий в начале XIX в., что вы-

звало неоднозначную реакцию на их использование со стороны авторов грамматических трудов. Так, А.Х. Востоков считал их вполне приемлемыми, указывая, что деепричастие прошедшего времени на -в может иметь «прибавку слога -ши»: *знав-знавши*. У возвратных глаголов -ши «вставляется непременно» [Востоков, 1838, с. 122]. Н. Греч называл формы на -в «усеченными», а на -вши – «полными», отмечая, что по значению они «совершенно равны», но имеют различие в употреблении: «...*полное* окончание употребляется преимущественно в изустном разговоре, в просторечии, а *усеченное* более в письме, в слоге возвышенном» [Греч, 1827, с. 369]. Г. Павский был более категоричен: «окончание» -вши, -ши «не приятно для слуха; и потому мы избегаем его, где можно»: вместо *знавши, коловши* – *знав, колов*, но в возвратных глаголах – *одевшись*, а не *одевся* [Павский, 1850, с. 134-135].

Однако языковая практика не укладывалась в рамки ограничений, вводимых авторами грамматик. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствуют материалы «Всеобщей истории о мореходстве». В ней деепричастия с формантом -вши чаще образованы от глаголов СВ (*узнавши, переплывши, ускользнувши, соскочивши* и др.), но возможны и от глаголов НВ (*плывши, искавши, имевши, стоявши* и др.), причем во всех случаях очевидно отсутствие маркированности таких образований:

Покоривши всех почти Афинских союзников, почитал он себя в силах овладеть Афинами (1-150); Два из них затопивши, погнался за двумя другими бежавшими в Ликию (2-3); Отдавши нужные приказания.., поехал он из Тира 2 дня Августа (3-193); Потом пошел он в Лион к Папе, где переговоривши с ним, и получив его благословение, спустился вниз по Роне (5-192).

Это наблюдение подтверждают и примеры с синонимичными формами:

Флакк говорит, что, переплыв Черное море, прибыли они к устьям Дуная (1-68) и: Напоследок, переплывши Киликийское и Памфилское море, остановились на якоре при Мире в Ликии (1-12); ...а потом осадя город, покорили его через семь дней (3-292) и: Полководец Хузен... осадивши сей город, теснил его с непрерывным рвением (3-148).

В сочинениях А.С. Пушкина среди деепричастий СВ также имеют место формы с суффиксом -вши (*вонзивши, заснувши*) и синонимы типа -в/-вши (*забыв-забывши*), представленные в основном в образованиях от глаголов I спряжения. С одной стороны, они употребляются как одно из средств стилизации под народное творчество и в качестве таковых вводятся в произведения определенной жанрово-стилистической ориентации: поэма «Руслан и Людмила», сказки, «Песни западных славян», некоторые стихотворения:

Так точно заяц торопливо,
Прижавши уши боязливо,
По кочкам, полем, сквозь леса
Скачками мчится ото пса (РЛ II 57);

Вот море кругом обежавши,
Высунув язык, мордку поднявши,
Прибежал бесенок, задыхаясь... (Б 113);

Воскликает царь Никита,
Брови сдвинувши сердито:

– «Тотчас ведьму отыскать!..» (С2 166.105).

С другой стороны, можно отметить нейтрализацию стилистической окрашенности подобных форм в процессе соединения их в одном контексте с высокой славянизированной лексикой:

Поднявши к небесам
Молящий ясный взор и чистую десницу,
От мерзостных палат спешит она в темницу... (А II, 115);
Куда бежит, зажавши вежды?
На чем он основал надежды (П I 456)

и:

Больной, зажав глаза руками,
За старца так меня молил (БР 124) и др.

И, наконец, они становятся приметой непринужденного разговорно-бытового употребления:

...Я живу
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову – и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье (ДК 158);

Я вставши ото сна иду туда в халате и туфлях (Пс 951.2).

Синонимия типа *-в/-вши* получила широкое распространение в русском литературном языке в XIX в. А.Б. Шапиро указывает на отсутствие различий функционального характера между теми и другими формами, считая, что «более жизнеспособными, по-видимому, оказались деепричастия «облегченной» формы (*увидев*, а не *увидевши*)» [Шапиро, 1964, с. 182]. По наблюдениям ученого, многие авторы первой половины XIX в. отдают заметное предпочтение формам на *-в*. Их преобладание обнаружено у Загоскина, Марлинского, в прозе Пушкина и Лермонтова, у Лажечникова, раннего Григоровича, Гончарова, С. Аксакова, раннего Достоевского и др. Гораздо меньше авторов, предпочитавших деепричастия на *-вши*: Гоголь, ранний Герцен и некоторые другие. Тем не менее, и во второй половине столетия колебания этого типа все еще продолжают. Параллельное употребление обеих форм отмечены у Л.Н. Толстого, Н. Добролюбова, Ф.М. Достоевского и др. Особенно много деепричастий на *-вши* у М.Е. Салтыкова-Щедрина, что позволяет говорить и о возможности индивидуально-авторского отношения к подобным формам.

Характеризуя ситуацию, сложившуюся на рубеже XIX – XX вв., В.И. Чернышев писал: «Мы почти не чувствуем различия между формами деепричастий прошедшего времени на *-в* и *-вши*: *прочитав-прочитавши*, *узнав-узнавши* и т.п.» [Чернышев, 1915, с. 333], – и далее о сфере употребления этих форм: «Деепричастия на *-в* более свойственны речи книжной и старой. Деепричастия на *-вши* отличают народную и разговорную речь. Взаимное соединение двух влияний привело к известному равновесию данных форм, отличающему современный язык» [Там же, с. 334]. Д.Н. Кудрявский даже высказал предположение о закреплении в дальнейшем именно формы на *-вши*: «В настоящее время с формою на *-в* мы соединяем представление большей книжности, литературности, а форма на *-(в)ши* считается более народною и разговорною. Это обстоятельство указывает, вероятно, на то, что живую форму следует считать форму на *-(в)ши*, которая, быть может, и

станет впоследствии единственной формой деепричастия прошедшего времени» [Кудрявский, 1916, с. 14].

Оценка Д.Н. Кудрявским форм на *-вши* как более перспективных, по-видимому, была основана на довольно активном их использовании и даже некотором росте их числа. Между тем представление об их разговорном характере, которое присутствует и у В.И. Чернышева, вряд ли можно считать соответствующим истинному положению вещей. Деепричастий с этим суффиксом не исключали из своего употребления многие писатели, причем контекстуальные условия в большинстве случаев не дают оснований для подобных оценок, например:

...мы и отправились, взявши с собой ружье, заряженное холостым патроном (Лермонтов); Узнавши от жены и от доктора, что Шурку выходил главным образом Чижик, Лузгин... горячо отблагодарил матроса (Станюкович); Она повела нас в горницу к дедушке, который лежал на постели, закрывши глаза (Аксаков); ...что же касается до переведенного на французский язык романа, то – повторяю, не выправивши его окончательно, нечего и представлять его на суд издателям в Париже (Тургенев); Не ставши наравне с своим веком, он был несравненно выше своего общества (Белинский.); Сказавши по фразе с каждой стороны, мы замолчали, попробовали еще говорить, опять замолчали (Толстой); Переночевавши в де-Кастри, мы на другой день, 10 июля, в полдень пошли поперек Татарского пролива (Чехов); Освободивши требования новых эстетиков... от логических противоречий..., мы получим такую формулу (В. Соловьев); Сказавши, что эти глаголы средние, возвратные и страдательные, мы их определим весьма неточно... (Потебня) и многие другие.

Как показывают приведенные примеры, деепричастия с суффиксом *-вши* использовались разными авторами как в художественных произведениях, так и в научных и публицистических сочинениях, а также в письмах. Рассматриваемые формы могли чередоваться с деепричастиями другого типа, в том числе и в пределах одного контекста, а также иметь синонимы с другими суффиксами, не отличаясь при этом от них ни стилистически, ни семантически, например:

...он, отбивши там пару навьюченных верблюдов и заметив, что во вьюках что-то жалобно пищало, не призадумавшись выкинул двух голых ребятишек на снег (Даль); Сложив все это в угол кухни, он снял с себя стесняющий его мундир и, облачившись в матросскую рубаху и надевши башмаки, явился к барыне (Станюкович);

Санин постоял и, дав колокольчику на дверях прозвенеть до конца, произнес, возвысив голос (Тургенев) и: и, не давши Паклину повторить сказанное,... подал ему раскрытую сигареточницу (Тургенев); Девушка, узнав, что ее милый пал на поле битвы, ропщет на судьбу (Белинский) и: Читатель изумляется, узнавши, что это только сон (Белинский).

Возможность включения форм на *-вши* в поэтические строки иногда наряду с высокой лексикой также говорит об их нейтральном характере, например:

Признаться, он вздохнул, начавши Одиссею...
Но кто не пожалел об отческой земле,
Надолго расставаясь с нею? (Батюшков);

И он, поникнувши челом,
Шаги приметно ускорял
И спутнику не отвечал (Лермонтов);

И я знаю, взглянувши на звезды порой,
Что взирали на них мы как боги с тобой (Фет).

Необходимо обратить внимание на то, что деепричастия с суффиксом *-вши* и у А.С. Пушкина, и у М.Ю. Лермонтова чаще употребляются в поэзии, чем в прозе. Здесь они свободно чередуются с образованиями других типов, причем это часто происходит в рамках одного контекста, что может расцениваться как использование указанных форм в качестве ритмообразующих средств благодаря наличию лишнего слога по сравнению с формами на *-в*. Эта возможность могла быть реализована только при том условии, что деепричастия на *-вши* не имели отличий от других форм и не обладали заметной стилистической окраской.

На протяжении всего XIX в. происходили изменения и в функционировании деепричастий НВ с суффиксом *-учи* (*-ючи*). Н. Греч, называя такие формы «полными» в отличие от «усеченных» на *-а* (*-я*), так же, как и в отношении деепричастий на *-вши*, обращал внимание на сферу употребления «полных» форм, которые были чаще представлены в разговорной речи, в просторечии [Греч, 1827, с. 369]. А.Х. Востоков также считал, что такие деепричастия «принадлежат особенно просторечию» [Востоков, 1838, с. 119]. В середине века Ф.И. Буслаев также обращает внимание на ограниченное разговорной разновидностью литературного языка употребление подобных деепричастий: «Окончание деепричастия *-чи* весьма употребительно как в древнерусском языке, так и в областном просторечии. В образованном же языке ... оно заметно вышло из употребления, удержавшись только в разговорной речи» [Буслаев, 1959, с. 107].

Во «Всеобщей истории о мореходстве» такие формы представлены наибольшим количеством случаев, как правило, произведенных от глаголов, испытывавших определенные трудности в образовании деепричастий. Среди них есть и деепричастия, которые относились к числу относительно широко принятых форм: *живучи*, *идучи*, *смеючись*. Учитывая вышесказанное, говорить о стилистической окрашенности этих форм достаточно сложно, ср., например:

Все привлекало их к мореплаванию: живучи на берегах морских приоб-
ыкли они к сей стихии (1-19); Цезарь идучи в намерении разбить подчини-
мых сопернику Генералов, показался пред сим городом (2-19); ...но едучи про-
тив них, претерпел на пути такую бурю, которая лишила его многих судов (2-
123); Венециане долгое время бьются вне онаго, вошли внутрь его (3-
254); ...начальник их видя, что Венецианский флот следовал за ними одаль,
сказал смеючись: подлинно Венециане очень вежливы (3-268).

В сочинениях А.С. Пушкина, напротив, деепричастия на *-учи* (*-ючи*) функционируют как примета народной речи и произведений фольклора:

Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись глядючи
С белой зори до ночи (МЦ 7);

Здравствуй, Екимовна, – сказал к.Лыков: – каково поживаешь? – По до-
бру, по здоровью, кум: поючи да пляшучи, женишков поджидаючи (АП 20.26).

Однако и у А.С. Пушкина можно встретить примеры снятия маркированности названных форм, ср.:

...Могилы склизкие, которые также тут

Зеваючи жильцов к себе на утро ждут (СЗ 264.14) и:

...И всех вас гроб, зевая, ждет (С2 285.10).

В.И. Чернышев, характеризуя функционировавшие в XIX в. деепричастные формы, отмечал: «Не привились к книжному языку народные деепричастия на *учи*, *ючи*, хотя у образцовых писателей, особенно у поэтов, и находим их иногда» [Чернышев, 1915, с. 339]. Случаи использования указанных образований можно разделить несколько групп, для которых характерны некоторые общие особенности.

Во-первых, следует отметить свободное, лишенное стилистической окраски использование деепричастий на *-учи* писателями второй половины XIX в., такими как Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.П. Чехов, Ф. Сологуб и др.

Во-вторых, названные формы употреблялись в поэтической речи, причем в контекстах разной стилистической окрашенности.

В-третьих, отдельную группу составляют формы на *-учи* от глаголов *идти* и *ехать*, которые особенно долго сохраняли указанные образования, что, скорее всего, определялось разными причинами. Для первого глагола ее сохранение могло быть связано с семантической дифференциацией форм, образованных от основ настоящего и прошедшего времени. Такое противопоставление имело давнюю традицию. К тому же форма *идя* в течение долгого времени многими авторами XIX в. считалась неприемлемой, а В.И. Чернышев относил ее к числу «редких». Что касается глагола *ехать*, то у него просто отсутствовало деепричастие на *-а*, таким образом, форма с суффиксом *-учи* была единственно возможной формой, при образовании которой не возникало противоречия между основой и суффиксом. Кроме названных глаголов, формы на *-учи* часто образовывались и от глагола *жить*.

И, наконец, целый ряд примеров представляет собой употребление склонных к онаречиванию одиночных деепричастий на *-учи*, например: «жить *припеваючи*», «идти *крадучись*», «делать *умеючи*» и под., вошедших в состав устойчивых выражений.

Таким образом, представляется возможным говорить о том, что в русском литературном языке XIX в., вопреки предписаниям грамматических руководств, формы на *-учи* были достаточно распространены, что отчасти могло быть вызвано тем обстоятельством, что для их образования практически не было фонетических ограничений. Мнение о том, что их употребление заметно сокращается уже в первой половине века, а «во второй половине и особенно к концу века они сохраняются только в стилизованной речи как единичные образования» [Шапиро, 1964, с. 180], представляется опережающим языковую практику рассматриваемого периода, тем более что очень активными подобные формы не были и на протяжении всей истории русского деепричастия.

Суффикс *-учи (-ючи)* иногда выступает как средство, способствующее образованию деепричастия от ряда глаголов, испытывавших при этом известные трудности. Вообще, затруднения при образовании деепричастных форм с течением времени становятся более заметными. Это находит отражение не только в существовании форм, в которых видовая принадлежность производящей основы вступает в противоречие с суффиксом, принимающим участие в их образовании, но и в наличии одноосновных синонимов. На сложности, возникающие при использовании деепричастий, обращали внимание не только ученые-лингвисты, но и литераторы, ср.:

Почему можно сказать: *говоря* речь, *делая* вещь, а неловко сказать *вия* шнурок, *пия* или *пья* воду, *тяня* веревку? (Белинский). К.Н. Батюшков в одном из своих писем Н.И. Гнедичу выделяет деепричастие, образование которого вызвало у него вопрос: «...усердие мое, пишущи, или *писав* их (как лучше?) достойно не только похвал, но и подражания».

В.И. Чернышев указывал на наличие ограничений в образовании и употреблении деепричастных форм для значительного числа глаголов с чередованиями в основах инфинитива и основах настоящего времени. Вместе с тем ученый отмечал: «Гибкость русского языка однако настолько значительна, что некоторые из приведенных глаголов допускают деепричастные формы настоящего времени, хотя от них речь и делается негладкой. Встречаем, например, изредка: *пиша*, *маша*, *пиша*, *режа*, *плача*, *ища*, *зовя*, *беря*, *кляня*, *идя* и некот.др. При этом формы: *плача*, *ища*, *идя*, надо оговорить как довольно употребительные» [Чернышев, 1915, с. 342]. Попытка преодолеть подобные трудности приводила к появлению разнообразных синонимичных форм типа *писав*, *писавши*, *пиша*, *пишущи*; *искав*, *искавши*, *ища*; *ехавши*, *едучи* и др.

Можно привести целый ряд примеров, когда нежелательные или невозможные, с точки зрения грамматических руководств, деепричастия появлялись у разных авторов на протяжении всего столетия. При этом поэтический язык оказывается наиболее терпимым к образованиям такого рода, например, *лия*, *виясь*, *бьясь* и др. в произведениях А.С. Пушкина.

Появление среди деепричастий от глаголов НВ форм с суффиксами *-в*, *-вши* помимо причин фонетического характера могло вызываться и семантическими требованиями. Так, подобные образования передавали значение завершенности второстепенного действия и, как и в предшествующие периоды, иногда могли сопровождаться временными ограничителями, например:

Не спавши целую ночь, я бросился на постель и крепко заснул (Пушкин КД 382.21); Да рифмы искать, не читав стихов, все то же, что лечить заочно, не видав больного (Батюшков); Он, получивши на имя мое деньги и знавши, что я непременно буду к 15 числу, послал их таки ко мне (Гоголь); ...как я был изумлен, когда три года у мастера живши, ни разу к этому станку доступу не получил (Успенский); Это одна из тех голов, которые не в состоянии переварить самого простого понятия и глотают не жевавши (Белинский).

Отношения синонимии (или варьирования) форм продолжают развиваться и в современном языке. Об этом свидетельствует и неоднозначная оценка синонимичных образований в разных грамматических руководствах, даже относящихся к одному и тому же периоду времени. Так, формы деепричастий на *-а*, образованные от глаголов СВ II спряжения, в Грамматике русского языка (1953) расцениваются как устаревшие и малопродуктивные. Лишь для небольшой группы глаголов I спряжения с основой на согласный более предпочтительными признаются деепричастия на *-а(-я)*, чем на *-ши*: *обретя*, *отвезя*, *пронеся*, *прочтя* и др. Более употребительными считаются также формы на *-а* от некоторых возвратных глаголов: *нахмурясь*, *обидясь*, *прислонясь*.

Однако в Русской грамматике (1980) указывается, что «обычно эти формы на *-а* употребляются как варианты наравне (подчеркнуто нами – Л.А.) с формами на *-в*, *-вши(сь)*, *-ши*» и образуются «от многих глаголов (подчеркнуто нами – Л.А.) II спр. и некоторых глаголов I спр. с основой на согласный» [Русская грамматика, 1980, т. 1, с. 674]. Между тем это мнение не совпадает с позицией авторов двух нормативных словарей современного русского языка – Грамматического словаря русского языка (1977) и Орфоэпического словаря русского языка (1983). В первом

образование деепричастий на *-а* от глаголов СВ ограничивается I спряжением, а другие глаголы остаются за пределами синонимии *-а/-е* и имеют в качестве нормативных только формы на *-в* (*заметив, наклонив* и под.). Сходная ситуация представлена во втором словаре: деепричастия на *-а* называются «нестандартными» и возможными только для глаголов СВ I спряжения на *-сти, -ти* (*приведя, отвезя* и под.), при этом варианты формы с суффиксом *-ии* для указанных глаголов не приводятся. Что касается деепричастий на *-а*, образованных от глаголов II спряжения, то они характеризуются как стилистически не нейтральные и употребляющиеся преимущественно в художественной речи, хотя, на наш взгляд, приводимые в словаре примеры использования подобных образований не дают оснований говорить об их стилистической маркированности.

В то же время общая тенденция развития синонимии рассматриваемого типа (*увидя-увидев*) заключается в постепенном сокращении синонимичных форм, по сравнению с XIX – началом XX вв. «Равновесие» форм, о котором писал В.И. Чернышев, не сохранилось: формы на *-в* заняли устойчивое положение в современном русском литературном языке, они не воспринимаются как книжные, хотя и формы на *-а* не спешат полностью сдавать своих позиций. Они особенно активны у возвратных глаголов II спряжения, а также у ряда невозвратных глаголов, таких как *увидеть, завидеть, услышать* и некоторых других, например:

Мы мало виделись..., встречались лишь вечером, перед сном, и, встретясь, неизменно ругались (Ильина); Она ощутила, что лицо у нее запачкано в липкой крови, и сидела, ссутулясь, смирясь... (Гроссман); Иван Петрович, разгорячась, захлебнулся тем же, что упирало его в спину и при ночных раздумьях (Распутин); Портниха Нюра Зайцева зашла забрать мой хитон Фригии, но, увидя меня все еще в нем, тихо притворила дверь (Плисецкая); ...Николай писал ровными-ровными строчками и каждую строчку, отступя от края, аккуратно одну под одной начинал с большой буквы (Солженицын) и др.

Отсутствие стилистической маркированности названных форм приводит к тому, что они могут свободно варьироваться в пределах одного контекста.

Иначе складывалась судьба деепричастных форм с суффиксом *-вии*, которые практически единодушно расцениваются авторами грамматических трудов как стилистически маркированные и употребляющиеся для придания контексту разговорно-просторечной окраски. Правда, в этом случае несколько выделяется позиция А.А. Зализняка, который в своем Грамматическом словаре указывает не на дифференциацию возможных образований, а, скорее, на их равноправное положение: «Деепричастия на *-вии* имеют параллельную форму на *-в*» [Зализняк, 1980, с. 85].

Действительно, деепричастия с суффиксом *-вии* использовались многими авторами на протяжении всего XX в., причем говорить об их стилистическом характере не всегда возможно. Такие формы встречаются в научных трудах, в художественной прозе, в поэтических текстах, например:

Гоголь пошел дальше Пушкина в приближении языка литературы к языку народа..., отразивши на нем и свои личные особенности своего воспитания и образования (Е. Будде, 1908); Миклошич, указавши на то..., прибавляет... (Д. Кудрявский, 1912); Сообразивши, что идти к обеду уже поздно, он даже обрадовался (Бунин); Расчищаются дали, как бы открывши вид через всю жизнь на много лет вперед (Пастернак); Родимцев, зябко поднявши прикрытые шинелью плечи, ...внимательно, в упор смотрел на музыканта (Гроссман); Проживши тридцать да еще с гаком годочков, ясно, что они немало перелились друг в друга и тем уже стали роднее (Распутин).

Следует, впрочем, обратить внимание и на то, что у отдельных писателей может проявляться большая склонность к употреблению указанных форм, например, их немало у В. Гроссмана, В. Астафьева, В. Распутина и некоторых других.

Обращает на себя внимание большое количество деепричастий с суффиксом *-вши*, использованных в поэтической речи, особенно в поэзии первой половины XX в.:

Каретный кузов быстро промелькнул,
Блеснувши глянцем стекол мерзлых (Бунин);

Так в небе, внезапно прорезавши тьму,
Мелькает золотая комета (Гумилев);

В час зари на небосклоне,
Скрывши лик покровом белым
Он стоит в литой короне
Гребнем грозно-онемелым (Белый);

В безумьи заломивши руки,
Он бьется в безысходной муке (Волошин);

Когда умру, не станет он грустить,
Не крикнет, обезумевши: «Воскресни!» (Ахматова).

Об отсутствии признаков «разговорности» или, напротив, «архаичности» у рассматриваемых форм вполне отчетливо говорит их контекстуальное окружение. Приведенные примеры дают основание говорить о равноправности в стилистическом отношении форм на *-вши* с формами на *-в* и об их использовании в стихотворных строках с целью создания или поддержания определенного стихотворного ритма и размера.

Наряду со случаями стилистически нейтрального употребления рассматриваемых образований, следует обратить внимание и на возможности придания контексту с помощью форм на *-вши*, наряду с другими образованиями, стилистической окраски, например, особой интонации разговорной речи простого человека, не искушенного правилами литературного употребления. Такой представляется функция подобных образований в рассказах А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор». В первом образ автора сливается с образом главного героя, и язык его повествования фактически становится отражением речи Шухова, в которой уместны и разговорные формы, не всегда принятые литературной нормой, например:

И, со стола взявши, протянул пайку. А на пайке – сахару черпачок опрокинут холмиком белым; 82-я бригада, какая ямки долбала без угреву полдня, – она-то первые места по гудку и захватила. Теперь и поевши не уйдет – уходить ей некуда.

С такой же функцией в этом произведении употреблены и другие деепричастия, не соответствующие по форме нормам современного литературного языка:

Считается инвалид, легкая работа, а ну-ка поди вынеси, не пролья; С Фетюкова станет, что он, миску стережа, из нее всю картошку выловил; –Кри-влянье! – ложку перед ротом задержа, сердится Х-123.

Кроме того, формы на *-вши* могут придать контексту ироническое звучание, которое часто присутствует при их использовании в фельетонах, например:

Ибо – вы только подумайте, а, подумавши, ужаснитесь, до чего же распоясались эти хвалители: «великий русский поэт Мандельштам» (кошмар!) (С. Рассадин).

Деепричастия с суффиксом *-вши* иногда образуются не только от глаголов совершенного, но и несовершенного вида при отсутствии соответствующего деепричастия на *-а*, например:

И в горячечном бреду подумать тогда не могла, бывшись как птица в клетке,... что придет время по Мадриду каблучками цокать (Плисецкая);

Так спасают автогонщиков.
Врач случайная,
не жавши «скорой помощи»,
с силой в легкие вдувает кислород
– рот в рот! (А. Вознесенский).

Дополнительным фактором, поддерживающим появление форм с суффиксами *-в* или *-вши* от глаголов НВ, может быть наличие отрицания, на что указывают Грамматический словарь русского языка (1980), Русская грамматика (1980) и др., например:

Никогда в жизни еще не работав над музыкой Прокофьева, я полюбила его как человека (Вишневская).

Крайне редким можно назвать употребление в современном русском литературном языке деепричастий с суффиксом *-учи* (*-ючи*). Они, как правило, являются стилистически маркированными, однако эта окраска существенно менялась на протяжении XX в., о чем свидетельствуют материалы разных грамматик. Так, в Грамматике русского языка указывается: «...образования на *-учи*(*-ючи*) воспринимаются как архаические, или как употребленные в целях стилизации под народную или старинную речь» [Грамматика русского языка, 1953, с. 525]. Между тем, в Русской грамматике отмечается, что они возможны лишь от глаголов, имеющих разговорную или просторечную окраску, а в художественной и публицистической речи они «имеют стилистически сниженный характер» [Русская грамматика, 1980, с. 672].

Формы на *-учи* (*-ючи*) отличает тенденция к адвербиализации, которая находит отражение в склонности таких образований к одиночному употреблению (без зависимых слов), к формированию устойчивых оборотов, а также синтаксически – в отсутствии обособления подобных форм, например:

Не следует считать, что участники преступной группы кейфуючи собирали с автоматов дань и сибаритствовали (Известия, 1987); Обращаясь к россиянам, Президент жалеючи предложил нам на время Олимпиады отнести мысли о политике «на второй план» (Комсомол.правда, 1998); Пристыди его кто-нибудь, ну, старший сын, например, запрети ходить туда... Да нет, как запретить? Он бы крадучись стал ходить. Он теперь не мог без этого (Шукшин); ...купить бы тот дом на пригорке за каштановой аллеей и зажить с Родионом припеваючи. Да разве дадут припеваючи? (Плисецкая).

Стилистически немаркированное употребление, на наш взгляд, характерно для формы на *-учи* от глаголов *идти* и *есть*. Кроме того, она может выступать в индивидуально-авторском использовании для создания определенного настроения, стилистической окраски контекста:

Вспомните: голод, война, горе – пели! *Идучи* на покос, в поле на работу – пели... (Литер.газ., 1988).

Таким образом, характеризуя состояние деепричастных форм в русском литературном языке XIX-XX вв., представляется возможным сделать следующие выводы.

Существовавшая в начале XIX в. синонимия деепричастных форм активно развивалась на протяжении всего рассматриваемого периода. При этом каждая из имевшихся возможностей не спешила сдавать свои позиции, продолжая искать пути своего сохранения. Это было и придание деепричастиям стилистической окраски, и попытка преодолеть фонетические препятствия на пути образования отдельных форм, и тенденция к противопоставлению возвратных и невозвратных глаголов.

В процессе функционирования грамматических синонимов наблюдается и разная степень их активности в поэтической и прозаической речи. Нередко синонимичные образования дольше удерживаются в поэзии, используя как средство создания стихотворного ритма.

В некоторых случаях, когда возможности сохранения формы в рамках категории деепричастия были исчерпаны, происходило семантическое словообразование на ее основе или закрепление формы в составе устойчивого фразеологизованного оборота (*жить умеючи, работать играючи* и под.).

Литература

- Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова (По начертанию его же сокращенной грамматики полное изложение). СПб., 1838.
- Грамматика русского языка. Т. 1. М., 1953.
- Греч Н.И. Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Т. 1. СПб, 1827.
- Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 1980.
- Кудрявский Д.Н. К истории русских деепричастий. Вып. 1. Деепричастия прошедшего времени // Уч. зап. Юрьев. ун-та. 1916. № 10.
- Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова; Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1985.
- Павский Г. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 3. О глаголе. СПб, 1850.
- Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
- Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Вып. 2 (Части речи). Петроград, 1915.
- Шапиро А.Б. Изменения в глагольных формах // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. М., 1964.
- Ярцева В.Н. Проблемы языкового варьирования: исторический аспект // Языки мира: Проблемы языковой вариативности. М., 1990.